

Кризис международного права и украинский конфликт

АНДРЕЙ
МЕДУШЕВСКИЙ

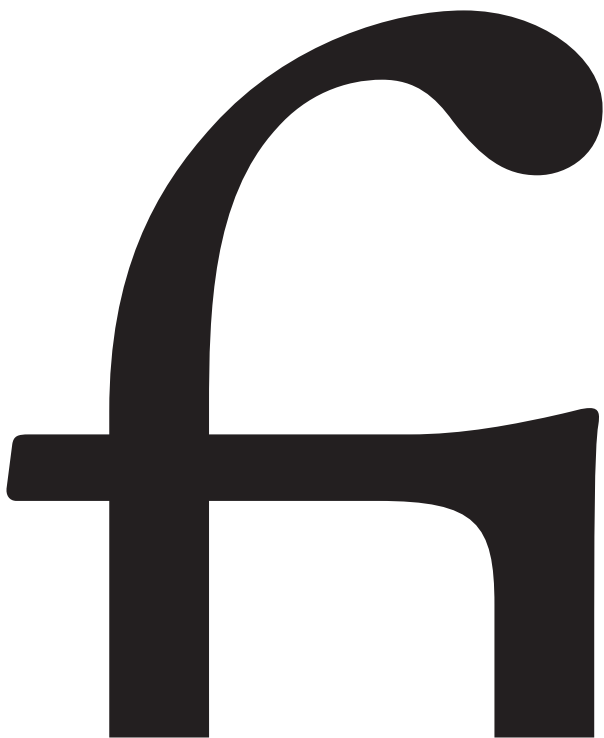
Кризис международного права в начале XXI века стал бесспорным фактом. Его признаки многочисленны: это эрозия легитимности того международного порядка, который стал результатом Второй мировой войны и был запечатлен в Уставе ООН; дестабилизация Потсдамско-Ялтинской системы международной безопасности, эффективно поддерживавшей баланс сил в Европе и мире на протяжении «холодной войны»; появление диаметрально противоположных интерпретаций места, отводимого ООН; усугубляющаяся неспособность ООН предотвращать острые конфликты, обусловленная расколами в Совете Безопасности; оспаривание решений ООН целыми группами стран и множасьи призывы к реформированию этой организации; наконец, все более очевидное вытеснение правовых механизмов урегулирования межгосударственных споров механизмами силовыми.

Упомянутые тенденции, описываемые в категориях моноцентризма, бицентризма и полицентризма, угрожают воцарением мирового хаоса – то есть вступлением человечества в переломную эпоху, когда старые правила утрачивают свою значимость, а новые еще не созданы. Более того, дело усугубляется отсутствием согласия даже по поводу тех критериев, на которых они должны разрабатываться. Действительно, стоит ли рассматривать в этом качестве возвращение к традиционной, пусть и

Андрей Николаевич Медушевский (р. 1960) – профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

НОВЫЙ/СТАРЫЙ РЕЖИМ И МИР

модернизированной, трактовке международного права и роли ООН или подобное уже невозможно из-за нового баланса сил? Важной стороной вопроса остается выявление причин нынешних негативных процессов. Одни видят их в отказе Соединенных Штатов Америки и Европейского союза принять ту конструкцию безопасности, которая включала бы Россию (такие проекты, выдвигавшиеся в 1990-е, были отвергнуты после войны в Югославии), указывая на ключевую роль в этом глобальных амбиций США, начавших в 2003 году войну в Ираке без санкции ООН. Другие ссылаются на позицию «ревизионистских» государств в лице России, Китая и Ирана, которые оспорили международные правила, утвердившиеся после окончания «холодной войны» и распада СССР. Наконец, третьи полагают, что у нас на глазах разворачивается объективный и назревший процесс перестройки международных отношений в контексте глобализации, в котором рождается пост-«вестфальская» система, базирующаяся на принципах наднационального права и ограничения национального суверенитета во всех его проявлениях.

Что составит основу формирующейся системы: региональные правовые режимы, базирующиеся на универсальных нормах и идеологии прав человека, или же наднациональная машина управления, предполагающая редуцированную трактовку прав и тотальный контроль над личностью в глобальном масштабе? Кризис вокруг Украины, достигший пика с началом Россией специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2022 года, предельно обострил этот вопрос.

Новый мировой порядок: ИНТЕГРАЦИЯ ИЛИ ФРАГМЕНТАЦИЯ?

Теоретическим выражением глобальных изменений становится спор о самой возможности обрести единые основания общемирового правового регулирования. Основу для обсуждения предоставляет теория глобального конституционализма – магистральное направление правового и общественно-политического теоретизирования, оформившееся в начале XXI века¹. Идущая в его рамках дискуссия призвана раскрыть и объяснить главные тенденции интеграционных изменений, присущих правовым отношениям и связанным с процессами глобализации. В центре внимания ее участников – укрепление наднациональных и вненациональных институтов и инструментов, а также

1 Подробнее см.: LANG A.F., WIENER A. (Eds.). *Handbook on Global Constitutionalism*. Cambridge: Edward Elgar Publishing, 2017; МЕДУШЕВСКИЙ А.Н. *Глобальный конституционализм как правовая теория и идеология переустройства мирового порядка* // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 1(134). С. 15–42.

утверждение сетевых коммуникаций между ними на фоне сохранения традиционного «вестфальского» порядка с присутствием ему господством суверенных государств как монопольных акторов международного правового процесса. Теория глобального конституционализма предполагает, что в условиях глобализации возможна конвергенция двух направлений регулирования, представленных, с одной стороны, международным, а с другой стороны, конституционным правом: она, по их мнению, может вылиться в новую разновидность права, определяемую как право «глобальное», «наднациональное», «транснациональное» или «международное конституционное».

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ
КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

Теория глобального конституционализма } предполагает, что в условиях глобализации возможна } конвергенция двух направлений регулирования, } представленных, с одной стороны, международным, } а с другой стороны, конституционным правом. }

Оппоненты глобального конституционализма категорически не согласны с самой постановкой вопроса о нем. Прежде всего они указывают на идеализм предлагаемой теоретической конструкции и отсутствие в ней полноценного определения предмета правового регулирования – всемирной конституции, на роль которой Устав ООН явно не подходит. Далее, ими подчеркивается несоответствие ожиданий, воплощенных в новой концепции, реальному положению вещей: а именно, кризису глобализации, который проявляется в нарастании дезинтеграции, очевидно преодолевающей интеграцию. Наконец, в продвижении глобального конституционализма его критикам видится прямая угроза демократии, равенству и верховенству закона². В результате в качестве противовеса доминирующей (и преимущественно англо-саксонской) трактовке глобального конституционализма выдвигаются альтернативные проекты, основанные на фрагментации региональных подходов; их базами могут выступать «глобальный Восток» или «глобальный Юг», отдельные континенты или субрегионы, а также наиболее влиятельные страны в лице США, России или Китая³.

Упомянутое столкновение нарративов помогает логично объяснить углубляющееся расхождение западных и российских интерпретаций ключевых международных проблем и конфликтов:

- 2 См.: CORADETTI C., SARTOR G. (Eds.). *Global Constitutionalism without Global Democracy (?)*. San Domenico di Fiesole: European University Institute, 2016. EUI Working Papers. № 21.
- 3 См.: SUAMI T., KUMM M., PETERS A., VANOVERBEKE D. (Eds.). *Global Constitutionalism from European and East Asian Perspectives*. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

от войн в Югославии или Сирии, а также «фактора Косово» до правомерности «цветных революций» и притязаний непризнанных государств постсоветского пространства на легитимность⁴. Тема расширения НАТО стала наивысшей точкой этих дебатов, в которых международному праву, основанному на ценностях, противостоит его «вестфальская» версия, основанная на геополитике. Столкновение описанных подходов предопределяет и расхождения в оценках украинского кризиса⁵.

Однако фрагментацию и интеграцию можно рассматривать не только в конфликтном противопоставлении друг другу; весьма плодотворной представляется попытка взглянуть на них во взаимодействии и взаимовлиянии – в рамках единого процесса правовой глобализации. С одной стороны, правовая интеграция, воплощающаяся в конституционализации международного права, сама предстает фрагментированным процессом, порождающим множество новых игроков с несовпадающими интересами. С другой стороны, правовая фрагментация имеет смысл только в контексте общего представления о международном конституционализме. То, каким образом оба момента взаимодействуют между собой в оформлении международных правовых стандартов, определяется готовностью ключевых акторов а) принимать их в качестве регуляторной рамки, б) искать компромиссы, позволяющие пересматривать правила игры, в) взаимодействовать между собой в разрешении нормативных конфликтов и снятии политических разногласий⁶.

Даже согласившись с тезисом о кризисе международного права, мы не можем уйти от проблемы доверия к его нормам и институтам и обеспечения их легитимности на транснациональном уровне, а также от задачи восстановления этого доверия среди участников международных отношений. Как в свете этого подхода может выглядеть урегулирование конфликта в Украине и вокруг нее?

ВОЙНА И МИР С ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Исторически война всегда выступала законным средством внешней политики, а естественное право на ведение войны было производной, вытекающей из принципа суверенитета государств. Вопрос об ограничении указанного права был по-

4 Подробнее см.: *Russian-Western Blind Spots: From Dialog on Contested Narratives to Improved Understanding*. Berlin: Inmedio – ILPP, 2019.

5 *Gaps and Overlaps. Navigating through Contested German-Russian-Ukrainian Narratives*. Berlin: Inmedio – ILPP, 2020.

6 Подробнее см. мою статью: Медушевский А. *Global Constitutionalism and Legal Fragmentation: The Populist Backslide in Central and Eastern Europe* // *Studia Iuridica Lublinensia*. 2021. Vol. 30. № 4. P. 393–440.

ставлен только в начале XX века в связи с созданием Лиги наций и принятием в 1918 году ее Устава. Крупнейшей вехой на этом пути признается подписание Парижского договора (пакта Бриана–Келлога, 1928), который, по мнению ряда исследователей, наглядно продемонстрировал, насколько эффективно юристы могут предотвращать войны⁷. (Скептики, впрочем, не согласны с этим, указывая на факт начала Второй мировой войны всего через десятилетие после подписания упомянутого документа⁸.) Устав ООН, принятый в 1945 году, окончательно делегитимировал войну в качестве способа разрешения конфликтов. Соответствующий принцип был закреплен в его статье 2, который признается обычаем и императивной нормой международного права (*jus cogens*):

«Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций».

Принятие этой нормы, однако, не остановило войны в XX и начале XXI века. В чем причины? Во-первых, международное право отнюдь не стоит на позициях абсолютного пацифизма, различая справедливые войны, ведущиеся в целях самообороны, и несправедливые войны, вызванные агрессией одного государства против другого. Во-вторых, Устав ООН регулирует международные вооруженные конфликты, но не имеет касательства к конфликтам иного рода – к гражданским войнам и восстаниям. В-третьих, интерпретация положений статьи 2 зависит от того, что именно считать «угрозой силой», а также «применением» силы, особенно в случаях упреждающего и превентивного реагирования. Между тем от используемой квалификации здесь зависит оценка того, насколько применение силы законно. В силу этих факторов Устав ООН, запрещая применение угрозы силой, предусматривает два исключения из этого правила: право на самооборону и использование мандата Совета Безопасности ООН.

В первом случае, касающемся права на самооборону, принципиальная трудность возникает в тех ситуациях, когда «угроза силой» или вооруженный конфликт имеют место не между суверенными государствами, но между государствами и негосударственными образованиями. К числу последних могут быть отнесены самопровозглашенные государства или так называемые «национально-освободительные» движения, в правовой

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ

КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

7 HATHAWAY O.A., SHAPIRO S.J. *The Internationalists: And Their Plan to Outlaw War*. London: Allen Lane, 2017.
8 BARKAWI T. *From Law to History: The Politics of War and Empire* // *Global Constitutionalism*. 2018. Vol. 7. № 3. P. 315–329.

квалификации действий которых ведущие акторы международных отношений принципиально расходятся. Международное право, как известно, защищает два принципа: с одной стороны, территориальную целостность государств, а с другой стороны, право народов на самоопределение. Но как в подобных условиях следует понимать справедливость и законность применения силы со стороны негосударственных акторов, защищающихся от действий государства, из состава которого они стремятся выйти? На чьей стороне должно быть международное сообщество, например, в конфликте Великобритании и Северной Ирландии, Испании и Каталонии, Сербии и Косово, Турции и Рабочей партии Курдистана – правительств соответствующих стран или их оппонентов, включая и негосударственные образования? Женевская конвенция 1949 года «О защите гражданского населения во время войны» в ряде своих протоколов относит к числу негосударственных участников конфликта не только террористов и мятежников, но и участников антиколониальных и «национально-освободительных» движений.

Традиционно ООН исходила из допустимости реализации права на самоопределение в отношении новых государств, вышедших из-под колониальной зависимости после распада крупнейших колониальных империй в Африке и Азии, но придерживалась территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ в Европе – принципа, зафиксированного Хельсинским актом 1975 года. Ситуация изменилась с распадом Югославии, когда вопрос, признавать ли независимость Косово, расколол международное сообщество. Если сторонники признания рассматривают это как исключение из правила (в эксклюзивной ситуации геноцида), то противники указывают на него как на момент прецедентного характера (хотя, как известно, в международном праве прецедентов не существует), обосновывая им признание самопровозглашенных государств на постсоветском пространстве. В такой логике югославская и украинская ситуации интерпретируются как сходные: необходимость внешнего вмешательства выводится из гражданской войны, (предполагаемого) факта геноцида или его угрозы, а решение проблемы усматривается (по образцу Косово) в признании независимости сепаратистских регионов – Крыма, Донецкой и Луганской народных республик, – основанной на народном волеизъявлении (в Косово, кстати, референдума о независимости вовсе не было), и *jus resistendi*, легитимном сопротивлении «государственному перевороту в Киеве», имевшему место в 2014 году.

СЛАБОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИНСТИТУТОВ

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ
КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

Другая сторона проблемы – «угроза силой», применяемая государством (или группой государств) на основании мандата Совета Безопасности ООН. Получить такой мандат можно исключительно по согласию всех его постоянных членов: Великобритании, Франции, США, России и Китая. Однако каждый из них располагает правом вето на осуществление подобных действий, и это делает консенсус практически недостижимым – особенно в ситуации наблюдаемого сейчас раскола. По указанной причине большинство крупных конфликтов и войн XX века так и не получили однозначной оценки со стороны ООН, а вопрос о справедливости и законности применения силы в этих войнах с позиций международного права так и остался нерешенным. В годы «холодной войны» вовлеченные в нее антагонисты – США и СССР – неоднократно применяли вооруженную силу, не считаясь с суверенитетом других стран. Война США во Вьетнаме, Индии и Пакистана, Израиля и Палестины, операция США в Ираке – таковы наиболее известные примеры войн, где каждая из сторон выдвигала собственное обоснование приемлемости своих действий и их соответствия международному праву, квалифицируя эти действия как «справедливую войну», «самооборону», «защиту суверенитета», «право на восстание»⁹. Применение вооруженных сил с санкции ООН, направленное на предотвращение или отражение агрессии в рамках статьи 42 Устава организации, реализовалось нечасто: в этом ряду следует упомянуть Корейскую войну 1950–1953 годов и агрессию Ирака против Кувейта 1990 года. Кроме того, стоит подчеркнуть, что резолюции Совета безопасности ООН, санкционировавшие использование силы, затрагивали конфликты, происходившие за пределами Европы – в Сомали, Гаити, Руанде, Ираке.

Пассивность ООН в реагировании на вооруженные конфликты новейшего времени обернулась стремлением ведущих государств обходить международно-правовые ограничения на применение силы. Основанием для этого стала двусмысленная доктрина гуманитарной интервенции (и вытекающая из нее доктрина «ответственности по защите»), зафиксированная резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/60/1. В ней легитимировалось использование вооруженных сил одних государств против других государств в целях преодоления гуманитарной катастрофы или предотвращения массовых нарушений прав человека. Лидером в применении «угрозы силой» без санкции ООН стали США, предпринявшие более ста

⁹ Подробнее см.: WALZER M. *Thinking Politically. Essays in Political Theory*. New Haven; London: Yale University Press, 2007.

силовых акций, подрывающих суверенитет других государств. В Европе применением этого подхода стали бомбардировки Югославии авиацией НАТО в 1999 году. Вторжение США и Великобритании в Ирак, произошедшее в 2003 году (причем не только без санкции ООН, но даже и без консенсуса внутри ЕС и НАТО), опиралось на отработанный набор аргументов; среди них были угроза применения Ираком оружия массового поражения (как позже выяснилось, мнимая), реализация права на самооборону – в виде упреждающего реагирования на террористическую опасность для США (очевидно преувеличенную), а также представление конфликта в качестве борьбы демократии и тирании. Именно эта война, по мнению многих экспертов, оказалась решающим ударом по всей послевоенной конструкции безопасности, приведя к кризису международного права и падению авторитета ООН как эффективной организации¹⁰. По мнению некоторых специалистов, кризис международного права, начавшийся после завершения «холодной войны», стал следствием его односторонней интерпретации Западом: именно она вынудила Россию искать собственный ответ на угрозы безопасности¹¹. Все упомянутые аргументы были использованы Россией для обоснования СВО, что, впрочем, не делает их более убедительными с позиций международного права.

Международное право, действительно, различает справедливые и несправедливые войны, в определенных случаях признавая право на войну, что вытекает из самого факта существования суверенных государств. Но даже теоретически проблема «справедливости» войн до сих пор не решена. Сторонники правовой глобализации исходят из того, что с созданием ООН и принятием международных актов о правах человека второй половины XX века предшествующая трактовка суверенитета подверглась ограничению, открывшему путь к торжеству международного права. Однако этой позиции всегда противостоял тезис реалистической школы, согласно которому международное право, собственно, правом не является; его нормы действуют лишь постольку, поскольку признаются национальными государствами, функционируя лишь в тех рамках, которые ими допускаются. Более того, решения международных инстанций реализуются именно национальными правительствами, причем в случае необходимости – без мандата ООН, на основе доктрины гуманитарной интервенции или собственного понимания национальных интересов.

10 Подробнее см.: Бауринг Б. *Деградация международного права? Реабилитация прав и возможность политики*. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

11 Саква Р. *Россия против остальных. Кризис мирового порядка после окончания холодной войны*. М.: Весь мир, 2020.

CASUS BELLI: ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ТРАКТОВКИ УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ
КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

Правовая оценка конфликта в Украине и действий России в этой связи демонстрирует углубляющуюся дифференциацию позиций внутри международного сообщества. Начало российской СВО вполне ожидаемо было расценено международным сообществом как нарушение статьи 2 Устава ООН: в нем усмотрели неправомерное применение угрозы силой против суверенного государства, противоречащее целям ООН. В Уставе ООН имеется глава VII «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии». Статья 39, открывающая эту главу, гласит:

«Совет Безопасности определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает, какие меры следует предпринять для поддержания или восстановления международного мира и безопасности».

Выражением этой позиции стала резолюция Совета Безопасности ООН 2623 о созыве – на основе предшествующей резолюции 377 А (V) – 11-й чрезвычайной специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН¹². Последняя приняла ряд резолюций, осудивших вторжение России в Украину как акт агрессии, потребовав вывода войск и отмены российского решения о признании независимости республик, принятого 21 февраля 2022 года, – на том основании, что референдумы в них проводились без согласия суверенного украинского государства. В то же время голосование по резолюциям выявило отсутствие в международном сообществе стабильного консенсуса по «украинскому вопросу». Из 193 государств-членов ООН первую из них – «Агрессия против Украины»¹³ – в ходе открытого голосования ожидаемо поддержало большинство в составе 141 страны, в то время как против выступило меньшинство – всего 5 государств, включая Россию и Белоруссию. Однако обращает на себя внимание число воздержавшихся (35) и отсутствовавших (12). Таким образом, резолюция была однозначно поддержана 70% государств, но в число остальных 30% вошли столь влиятельные страны, как Китай, Индия, Пакистан, Иран, ЮАР и значительное число других государств Азии, Африки и Латинской Америки. По второй резолюции – «Гуманитарные последствия агрессии против Украины»¹⁴ – соотношение голосов оказалось примерно таким же: 140 «за», 5 «против», 38 воз-

12 В отличие от решений Совета Безопасности ООН, резолюции Генеральной Ассамблеи ООН не являются обязательными для государств-членов; они имеют рекомендательный характер.

13 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/ES-11/1 «Агрессия против Украины», 2 марта 2022 года (<https://digitallibrary.un.org/record/3965290>).

14 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/ES-11/2 «Гуманитарные последствия агрессии против Украины», 24 марта 2022 года (<https://digitallibrary.un.org/record/3966630?ln=ru>).

держались или отсутствовали. По третьей резолюции – «Приостановление прав членства Российской Федерации в Совете по правам человека»¹⁵ – оно уже было близко к паритету: 93 «за», 24 «против», 58 воздержались или отсутствовали. Результаты этих голосований отражают, по-видимому, устойчивый тренд к фрагментации позиций внутри ООН, наметившийся десятилетием ранее – при голосовании на 68-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН по резолюции 68/262 от 27 марта 2014 года, посвященной вопросу о Крыме¹⁶. Тогда за территориальную целостность Украины и неправомерность изменения статуса Крыма и Севастополя, состоявшегося по результатам референдума 16 марта 2014 года, высказались 100 государств из 193, против голосовали 11, воздержались 58 и отсутствовали 24.

Последовавшие за началом СВО дебаты относительно западных антироссийских санкций, проходившие в различных международных форматах, выявили еще большую дифференциацию в позициях отдельных регионов мира. Уместно заметить, что само понятие «санкции» спорно с юридической точки зрения, ибо в роли таковых формально могут выступать только санкции ООН, но не рестрикции со стороны группы государств, пусть даже и значительной (около 60 стран). Формально осуждая действия России, большинство стран мира фактически отказались поддержать экономические и энергетические санкции. Это позволило некоторым аналитикам заговорить о наметившейся изоляции западной антироссийской коалиции во главе с США в незападной части мира, что открыло новые возможности для политического маневра¹⁷. Подтверждением этой точки зрения может служить и нынешнее положение, сложившееся во Всемирной торговой организации, где из 164 входящих в нее государств 127 – под водительством Китая – обвиняют США в блокировании деятельности этой организации (американцы отказываются назначить своих судей в высшую апелляционную инстанцию, чтобы не позволить принимать невыгодные для них решения)¹⁸. Если Всемирная

15 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/ES-11/3 «Приостановление прав членства Российской Федерации в Совете по правам человека», 7 апреля 2022 года (<https://digitallibrary.un.org/record/3967950?ln=ru>).

16 Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/68/262 «Территориальная целостность Украины», 27 марта 2014 года (<https://digitallibrary.un.org/record/767883>).

17 См., например: PARKINSON J., LUHNOW D., FORERO J. *Anti-Russia Alliance Is Missing a Big Bloc: The Developing World* // The Wall Street Journal. 2022. April 14 (www.wsj.com/articles/anti-russia-alliance-is-missing-a-big-bloc-the-developing-world-11649950913); EPISCOPOS M. *How the West Failed to Isolate Russia* // National Interest. 2022. July (<https://nationalinterest.org/feature/how-west-failed-isolate-russia-203796>); STUENKEL O. *The War in Ukraine and the Emergence of the Post-Western World* // Institut Montaigne. 2022. September 29 (www.institutmontaigne.org/en/analysis/war-ukraine-and-emergence-post-western-world-view-brazil).

18 Подробнее см.: LESTER S. *Ending the WTO Dispute Settlement Crisis: Where to from Here?* // The International Institute for Sustainable Development. 2022. March 2 (www.iisd.org/articles/united-states-must-propose-solutions-end-wto-dispute-settlement-crisis).

торговая организация и дальше останется нефункциональной, то реальностью может сделаться отказ от доминирующей концепции единства мирового рынка и переход к альтернативной практике заключения фрагментированных и свободных экономических договоров. Исходя из всего сказанного высказываются предположения, что на наших глазах начинается новый этап перераспределения власти в мировом масштабе¹⁹.

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ
КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

Начало российской СВО вполне ожидаемо было расценено международным сообществом как нарушение статьи 2 Устава ООН: в нем усмотрели неправомерное применение угрозы силой против суверенного государства, противоречащее целям ООН.

Позиция России – и государств, прямо или косвенно поддержавших ее, заняв нейтральную позицию в этом споре, – опирается на иную правовую интерпретацию. Ее основу составляет статья 51 Устава ООН, посвященная коллективной самообороне. Предоставляя основания для разграничения так называемых «справедливых» и «несправедливых» войн, она гласит, что Устав ООН «не затрагивает неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение, [...] до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности». Отметим, что понятие «коллективной самообороны» в последние десятилетия претерпело заметную эволюцию, смысл которой нуждается в разъяснении. После террористической атаки на США 11 сентября 2001 года статья 51 была интерпретирована Советом Безопасности ООН в расширительном смысле: как признающая за государством право на самооборону в случае террористической атаки. Резолюция Совета Безопасности ООН 1373²⁰ подтвердила право государств на защиту от террористических действий, признав оправданность самообороны США в рамках статьи 51. Обосновывая действия против Ирака и Афганистана, США опирались на норму об индивидуальной и коллективной самообороне, также предусмотренную статьей 51 – в частности, в связи с опасностью доступа террористов к оружию массового уничтожения. На тех же основаниях базировались американские угрозы в адрес Ирана, Сирии, Ве-

19 Различные сценарии этой борьбы см. в документе: WORLD ECONOMIC FORUM. *Global Future Council on Trade and Investment. Conflict, Sanctions and the Future of World Trade. White Paper*. 2022. May (www3.weforum.org/docs/WEF_Conflict_Sanctions_and_the_Future_of_World_Trade_2022.pdf).

20 Резолюция Совета Безопасности ООН S/RES/1373, 28 сентября 2001 года (<https://digitallibrary.un.org/record/449020?ln=ru>).

несуэлы, Северной Кореи и других стран. Между тем Устав ООН, не исключая возможности превентивной обороны государств от государственных и негосударственных (террористических) субъектов, одновременно настаивает на том, что это может быть сделано только с санкции Совета Безопасности ООН после тщательного изучения вопроса и определения необходимости и соразмерности ответных акций. Нет санкции – нет и права.

ПОЗИЦИЯ РОССИИ И РАЗРУШЕНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КОНСЕНСУСА

Начатая Россией СВО опиралась на похожие, в принципе, аргументы. В их ряду были: 1) необходимость вмешательства России в связи с растущей угрозой ее безопасности со стороны Украины и стран НАТО; 2) легитимность индивидуальной и коллективной самообороны «республик Донбасса» в условиях террора против русскоязычного населения; 3) обоснованность превентивной акции по защите самопровозглашенных республик, независимость которых Россия, в конечном счете, вынуждена была признать. Можно констатировать, что позиция, занятая Россией в украинском вопросе, в целом воспроизводит ту, которой США руководствовались в случае Югославии, Ирака и Афганистана. Если Вашингтон мотивировал бомбардировки Сербии угрозой геноцида, а вооруженное вторжение в Ирак борьбой с терроризмом и оружием массового поражения, то Москва также говорила и о «самообороне», и об угрозе геноцида. Проводимая Киевом антитеррористическая операция, согласно российской трактовке, являлась нарушением гуманитарного права и «вооруженным нападением»; из этого выводилась необходимость поддержки одной из сторон, столкнувшихся в украинской гражданской войне, а именно, самопровозглашенных республик, право на самоопределение которых, по мысли Москвы, вытекает из массовых нарушений прав русскоязычного населения после «государственного переворота в Киеве», имевшего место в 2014 году.

Согласно официальной российской интерпретации, решение о начале СВО было принято в соответствии с частью 7 статьи 51 Устава ООН, предусматривающей неотъемлемое право государства на индивидуальную или коллективную самооборону. Указанное право было распространено на новые образования, признанные Россией: ДНР и ЛНР, а позднее на Херсонскую и Запорожскую области. Цели акции определялись президентом России как исключительно оборонительные: речь шла не об оккупации территории, но о «защите людей, которые на протяжении восьми лет подвергаются издевательствам, геноциду со

стороны киевского режима». Именно для этого, по логике главы государства, потребовалось провести «демилитаризацию и денацификацию Украины» и предать суду всех военных преступников, ответственных за «кровавые преступления против мирных жителей» Донбасса. Военная акция, в рамках той же логики, имела характер упреждающего удара из-за срыва украинским правительством попыток дипломатического урегулирования; нарастающих угроз, связанных с оружием массового уничтожения; непрекращающихся террористических действий против русскоязычного населения на Востоке Украины, приобретших, как утверждалось, форму геноцида.

Таким образом, в развитии конфликта представлены два противоположных нарратива, базирующихся на разных статьях Устава ООН: «российской агрессии против независимого государства» (статья 39) и «защиты прав “русского мира” от западной агрессии» путем индивидуальной и коллективной самообороны республик Донбасса при поддержке России (статья 51). Согласование этих нарративов дипломатическими способами оказалось невозможным, в том числе из-за расширяющегося вмешательства внешних игроков (в частности США, Китая, Турции, Ирана, стран СНГ). Результатом стала глобальная информационная война, в которой используются диаметрально противоположные оценки правовых норм, политических фактов и военных обстоятельств. Под оспаривание подпадает буквально все: каковы истоки и время начала конфликта; кто является его сторонами; чьи права нарушались и до какой степени; имеют ли место юридические факты геноцида или этнических чисток; насколько адекватно было применение сторонами силы на разных этапах противостояния; как оценить степень вмешательства в конфликт иностранных государств и их комбатантов (наемников); нарушено ли «право войны» и какие это повлекло жертвы. Действия каждой из сторон расцениваются противником как преступные, причем всякий раз это сопровождается отсылками к нарушению прав человека. Наконец, каждая сторона, претендуя на то, что лишь ее понимание справедливости является истинным, изыскивает, а возможно, и фабрикует, доказательства преступлений другой – предъявляя их *urbi et orbi* и ссылаясь на «общечеловеческие» ценности.

Жертвой этого противостояния становится само международное право в его существующих формах, следствием чего оказывается вакуум власти на интернациональном уровне, проявляющийся в слабом реагировании ООН на украинский кризис. Внесенное Украиной предложение изгнать Россию из ООН, мотивируемое тем, что место в этом органе она получила на основании простого акта преемственности, является пропагандистским шагом, поскольку никак не реализуемо на прак-

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ
КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

тике. Приостановление членства или исключение страны из ООН по решению Генеральной Ассамблеи возможно только по рекомендации Совета Безопасности ООН (статьи 5 и 6 Устава). Но подобное невыполнимо, поскольку в этой структуре Россия и Китай обладают правом вето. Если же вопреки очевидности все-таки гипотетически предположить успех такой акции, то ее результатом станет разрушение ООН в ее нынешнем виде – то есть повторение организацией судьбы Лиги наций.

В итоге складывается устойчивое впечатление, что США и Россия вместе с своими союзниками добиваются собственных геополитических целей, имитируя приверженность международному праву и легитимируя свои действия ссылками на его противоречивые принципы – то есть попеременно апеллируя то к защите от агрессии, то к самообороне. Причем используются эти положения лишь тогда и постольку, когда и поскольку это выгодно самим антагонистам в зависимости от тактических внешнеполитических целей. В обоих случаях право уступает силе. Как правило, консенсус в такого рода вопросах появляется (если он вообще достижим) только *post factum*. Но это не значит, что к дипломатическому преодолению кризиса не следует стремиться уже сейчас. Решение следует искать не в плоскости примирения ценностей (ибо каждая сторона отстаивает абсолютную справедливость своего видения), но в сфере прагматичной балансировки интересов, сопровождаемой неизбежными компромиссами. Разумеется, перед нами возникает неизбежный вопрос: а возможно ли достижение такого баланса с позиций международного права?

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Попытки переосмыслить международный порядок с позиций наднационального права – глобального конституционализма – отражают нарастающий запрос на интеграцию правовых систем мира. В то же время они не преодолевают альтернативный тренд к фрагментации правовых режимов, ведущий к их отчуждению и столкновению. В этом, собственно, и состоит суть кризиса международного права в его нынешних формах.

Система европейской безопасности формировалась по итогам крупнейших интернациональных конфликтов. Этапами этого процесса стали: Тридцатилетняя война в Европе и заключение в 1648 году Вестфальского мира; наполеоновские войны, завершившиеся установлением Венского мира и учреждением Священного союза; Первая мировая война, закончившаяся Версальским миром и образованием Лиги наций, и Вторая мировая война,

породившая Потсдамско-Ялтинскую систему, включая ООН и Совет Европы. После завершения «холодной войны», впрочем, добиться столь же значимых результатов не удалось: система европейской безопасности с участием России так и не появилась на свет (Парижское соглашение 1990 года, закладывавшее основу такой договоренности, было отброшено с распадом СССР.) В итоге блоковое мышление и гонка вооружений заполняют тот вакуум, который расширяется из-за отсутствия прагматических договоренностей между государствами. Тем не менее в повестке дня стоит создание новой конструкции безопасности, гипотетически более справедливой и отражающей интересы всех регионов мира (а не только Европы, как было ранее из-за доминирования европейского региона над остальными).

На чем будет основываться этот компромисс: на ценностях, как считают либеральные приверженцы глобального конституционализма; на интересах суверенных государств, как полагают сторонники реализма, – или, возможно, на какой-то комбинации того и другого? Международное право не дает ответа на этот вопрос. Устав ООН защищает права человека, но не демократию как таковую; иначе говоря, теоретически государства-члены могут и не быть демократиями (тем более либеральными), что, впрочем, не отменяет для них необходимости соблюдать фундаментальные права человека. Спор о содержании прочих прав остается темой острой международной дискуссии, отражающей фрагментацию международных отношений. Фактически, речь идет о конфликте не столько идеологий, сколько идентичностей (в том числе и «изобретенных»). Ключевым вопросом, разделяющим стороны нынешнего конфликта, остается различное понимание основ системы международной безопасности. Одни считают, что они задаются совокупностью наднациональных принципов и ценностей, возникших естественным образом в силу нового интернационального консенсуса. Другие полагают, что указанные принципы и нормы нельзя использовать в подобном качестве, поскольку они отражают одностороннюю интерпретацию международных норм ведущими западными государствами, отказавшимися исходить из принципа «нераздельности безопасности». То есть в линии Российской Федерации проявляется не столько «ревизионизм», сколько стремление вернуться к трактовке международного права в его традиционной, «вестфальской», интерпретации – ориентированной не на ценности, а на *Realpolitik*.

Современный мир выстраивается как совокупность больших глобальных регионов (в том числе трансконтинентальных), обладающих выраженной правовой идентичностью; но при этом речь идет не о замкнутых регионах, поскольку их идентичность формируется в ходе глобальной интеграции. Следует подчерк-

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ

КРИЗИС МЕЖДУНАРОДНОГО
ПРАВА И УКРАИНСКИЙ
КОНФЛИКТ

нуть, что понятие глобального региона (субрегиона) не всегда тождественно его географическим трактовкам. В наши дни реальностью становятся объединения государств – например, G-7, G-20, БРИКС, ШОС, ЕАЭС, – расположенных на разных континентах, но объединяемых коллективной повесткой решения мировых проблем, в том числе и глобального конституционализма. Соотношение подобных объединений между собой предполагает как поиск координации, так и сохранение асимметрии правовых порядков.

Каков же выход из кризиса международного права? Наиболее реалистичным представляется путь двустороннего движения к глобальной правовой интеграции – с позиций международного конституционного права и со стороны отдельных (неизбежно фрагментированных) региональных интеграционных проектов. Механизм их взаимодействия не сводится к механическому противопоставлению интеграции и фрагментации, но включает селекцию оптимальных форм соотношения этих двух полюсов: выстраивание норм, институтов и практик взаимодействия, отвечающих критерию более широкой интернациональной легитимности. На этом пути все многообразие отдельных идентичностей – космополитических, региональных, национальных, культурных, политических и прочих – не отменяется, но встраивается в виде подсистем в единую систему глобальной идентичности. Оно начинает функционировать поверх сложившихся разделительных линий, освященных традицией, правом и моралью во имя достижения одной цели – преодоления международной анархии, то есть борьбы сверхдержав за передел мира в стиле описанной Томасом Гоббсом «войны всех против всех».

Когда (и если) этот процесс приведет к созданию значимых и легитимных глобальных институтов правовой интеграции, можно будет говорить о полноценном переходе от региональных правовых режимов к глобальным. Вопрос о том, какой вклад в него могут внести существующие институты во главе с ООН и его Советом Безопасности, а также международные суды, остается открытым, оставляя простор для дискуссии об их соответствии новым вызовам правовой глобализации. Если США склоняются к трактовке ООН как организации, утратившей свое значение, то с точки зрения их противников роль ООН должна быть восстановлена и усилена – за счет повышения статуса глобальных регионов, в том числе и с расширением представительства их ведущих стран в Совете Безопасности ООН. В итоге ключевую роль могут сыграть как существующие, так и новые международные институты. Либо же – та часть этих институтов, которая окажется способной проводить интеграционную повестку на транснациональном

уровне, опираясь на компромисс ведущих глобальных регионов и/или представляющих их ведущих государств. На этом пути идеализм должен уступить место реализму, а политика защиты ценностей – политике защиты общих интересов.

Если говорить о наиболее крупном глобальном регионе в лице Европейского союза, то из-за украинского кризиса он оказался перед выбором: либо следовать далее в фарватере США во имя укрепления трансатлантической солидарности, либо обрести новую идентичность в международных отношениях, проводя собственную политику в вопросах безопасности и дипломатии. Последнее означало бы уход НАТО со сцены, создание иной системы европейской безопасности и, возможно, формирование новой европейской федерации в виде Соединенных Штатов Европы (с пересмотром учредительных договоров). В свое время определенные надежды возлагались на возможность единого членства ЕС в ООН, которое, однако, оказалось недостижимо в силу неготовности Франции уступить ЕС свой мандат в Совете Безопасности ООН. В текущей перспективе это означает наступление для ЕС «макиавеллистического момента» – необходимости принятия элитами критически важных решений, касающихся судеб европейского интеграционного проекта и выстраивания отношений с Россией как основным геополитическим противником или партнером²¹.

Украинский конфликт вывел на первый план дилемму права и справедливости, отсылающую к самой сути международного права. Завершится ли нынешнее противостояние возвращением к *status quo ante bellum*, полным разрушением существующей системы международного права или, напротив, созданием новой его системы? Какими в таком случае будут контуры этой системы – нормы, институты и функции транснациональной правовой организации будущего? Насколько адекватны представленные сегодня стратегии выхода из глобального конфликта, предложенные идеологами, экспертами и политиками разных стран – сторонниками и противниками глобализации, – включая их реакцию на эрозию легитимности и дисфункции основных международных институтов и национальных правительств? Текущий кризис вокруг Украины наглядно свидетельствует о наступлении новой фазы состязания мировых элит относительно будущего устройства глобального управления. Кроме того, он с очевидностью демонстрирует важность согласованной политики права. От решения этих вопросов будет зависеть устойчивость и надежность международно-правовых гарантий глобального и национального развития в ближайшем будущем.

21 Медушевский А.Н. *Макиавеллистический момент Европы: перспективы интеграционного проекта ЕС в условиях утраты глобального политического равновесия* // Политика. 2022. № 2(105). С. 136–162.